

16+

Владимир Вестер

КОММУНАЛЬНАЯ ОПЕРА

Владимир Вестер
Коммунальная опера

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вестер В.

Коммунальная опера / В. Вестер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

О том, как на деревянном коне с оторванным правым ухом попасть в Теплую Страну Грез. Как создать настоящую оперу перед зеркалом трехстворчатого деревянного шкафа. А также о том, можно ли по праздникам стрелять разноцветными башмаками и долго ли проживет в общей коммунальной ванной настоящая говорящая рыба, купленная в ближайшем магазине...

КОММУНАЛЬНАЯ ОПЕРА

Третий конь

Как-то летом, в августе, под окном басом мяукала кошка. Эта кошка всегда мяукала под окном, когда Ключеву не хотелось спать.

Он лежал у себя за шкафом. Он видел, что занавески на окне распахнуты, поэтому за стеклом видны звёзды. Ключев не знал, сколько их, этих звёзд. По радио говорили, что их очень много.

А днём он видел на улице много разных людей. Все эти люди были прохожими. Частью эти прохожие были дядями, а частью тётями. В ботинках, пиджаках, брюках, футболках, шляпах, туфлях и платьях они шли по обеим сторонам широкой каменной улицы, ехали в трамваях, автомобилях, заходили в магазины, учреждения, просто в какие-то двери, выходили назад и делали вид, что не замечают Ключева. А он шёл по улице и громко сосал красного сахарного петуха на палке. Он купил его за 10 копеек у какой-то цыганки, одетой в разноцветные занавески. Потом мимо с шумом, дымом и грохотом проехал громадный грузовик, доверху груженный стульями, и к цыганке подошёл какой-то дядя в пиджаке и шляпе. Дядя вытащил из кармана и дал цыганке бумажный рубль. Рубль пропал в разноцветных занавесках и назад не появился, а цыганка схватила дядину ладонь и стала что-то ему говорить. Она говорила быстро, вроде «ожидает, красавец, тебя», и водила по дядиной ладони пальцем, а дядино лицо вытягивалось и вытянулось почти до асфальта, на который кто-то бросил обертку от мороженого.

Потом Ключев пришёл из города домой. Дома он съел суп, развесив по краям тарелки всю петрушку, и перестал думать, почему так получилось с лицом дяди и почему на грузовике было так много стульев и все ножками вверх. Теперь он скакал на своем деревянном коне с красной гривой. Теперь он думал о том, почему у этого коня отскочило правое ухо, которое он искал вчера в шкафу и в кухне, где сосед Бочкин с круглым, как обеденная тарелка, лицом жарил на масле яичницу, а другие соседи с другими лицами развешивали на верёвке огромные фиолетовые штаны. Ключев не знал, почему на свете так много фиолетовых штанов и почему все они должны висеть в кухне. Он думал, что лучше бы они летали над городом, и прохожие тогда бы останавливались и показывали на них пальцами. |

Правого уха он вчера не нашёл. Ни в шкафу, ни в кухне. Искал он его и в коридоре, протянувшегося от того конца коммунальной квартиры до этого, но и в коридоре не нашел. И в ванной комнате. И в почтовом ящике. Он хотел сообщить об этом по городскому радио, которое висело в комнате на стене, но вспомнил, что ещё не знает, как нужно сообщать на весь город про потерянные уши. Теперь ему было просто очень жаль коня. Всё-таки скакали вместе почти всю жизнь по полям, лесам и болотам. Он думал, что коню без уха будет трудно жить. Над ним будут смеяться другие кони...

Но вот в окне одна звезда сорвалась и упала. Как раз на крышу того большого дома, по верху которого бегали очень большие электрические буквы. Занятый мыслями Ключев ничего не успел загадать.

Еще одна звезда упала, и он снова ничего загадать не успел. И подумал о том, что и в городе август и, наверное, за шкафом, где он лежит, тоже август. Время басом мяукавших кошек, цыганок в разноцветных занавесках, вытянутых лиц, бегающих букв и падающих звёзд.

А еще это такое время, когда он, лежа в кровати, не знает, о чем бы подумать еще. Наверное, можно подумать о том, что скоро осень, и будет стучать по карнизу дождь. А звёзды пока еще падают, потому что август. Они падают за окном, а не в комнате. Он их видит, а они его нет. Он ведь за шкафом, а они на небе. В августе. И падают они так быстро, что вскоре на небе не останется ни одной. Жаль, если небо станет пустым. Это плохо. Так по радио говорили вчера, а сегодня не говорили. Сегодня говорили о том, что, если все звезды упадут, тогда людям нечего будет делать. Они до этого звезды считали, а теперь считать будет нечего. Они

будут тогда ходить по городу с петухами на палках и сосать их от скуки. Впрочем, и петухов не будет. Их тоже некому будет делать.

...Вскоре за шкаф пришла мама. Лицо мамы в темноте казалось большим, белым, а в городе, когда они ходили туда днём, было озабоченным и деловым...

– Ты почему не спишь?– громким шёпотом спросила мама, нагнувшись над кроватью и пытаясь увидеть открытые глаза Клюева.

– Потому что думаю, – помолчав немного, сказал он.

– Завтра думать будешь,– сказала мама.– А сейчас надо спать. Ну-ка, закрывай глаза и считай: один конь, второй, третий...

Он закрыл глаза и начал считать. Пока он считал коней, мама подошла к окну и задёрнула занавески. Осталась басом мяукать кошка.

Угол

Клюев в те далекие и безвозвратные времена был человеком лет шести-семи в коротких брюках на бретельках и матросской бескозырке с надписью «Речной флот». Он и всевозможные сказки любил, и разные события, и истории, и происшествия. А что касается пошалить, побаловаться, то это он не меньше любил сказок и происшествий. Разбалуется, расшалится, повалит вешалку или об стол приложится, а потом мама ловит его за руку и делает строгое материнское предложение:

– А ну-ка, становись в угол. Постой и подумай...

Вот он и стоит в самом дальнем углу. Стоит, упершись носом в темень.

А темень эта такова, что заставляет думать. Собственно, как мама велела, так он и поступает. Стоит и думает о самых разных вещах. Но больше всего о том, что неужели всю жизнь его будут ставить в угол. И думает об этом с таким напряжением, что не замечает, как проходит время, мама давно уже легла спать, и папа, разведенный с мамой, где-то лег, и бабушка, живущая в другом конце города, легла, и прочие люди, о жизни которых он еще ничего не знает, тоже легли, а он стоит, упершись носом в темень, и думает...

И додумывается неизвестно до чего. Кажется ему, что он взрослый, носит пиджак, галстук, брюки, круглую современную шляпу, утратил способность беззаветно баловаться, валить вешалку и стукаться об стол, а все равно кто-то строго ему предлагает: «А ну-ка, Клюев, в угол!»

Это предложение не слишком пугает его. Он еще никогда не видел, чтобы взрослых ставили в угол. Правда, в какой-то детской книжке он (с помощью мамы) прочитал, что это бывает, но только в далеких незнакомых странах, где живут какие-то переодетые артисты с птичьими головами.

На другой день у него болят ноги. Хорошо болят, сильно. При этом сам он беззаботный, и люди, когда они с мамой едут сначала на трамвае, а после в метро, кажутся ему переодетыми артистами. И каждому из них он мысленно приставляет птичью голову, однако голова не приставляется, поскольку у каждого человека голова своя.

Одет он по-уличному: в свою маленькую натуральную шубу, которую мама сшила ему бог весть из чего, но, видимо, из овчины. Он думает о том, как станет баловаться у бабушки. И знает Клюев, что у бабушки он станет баловаться сильно и очень талантливо, потому что еще ребенок и нет у него шляпы с круглыми полями, галстука и пиджака. И нет мелкого страха. Страх за то, что бабушка поставит его в угол. Ведь у бабушки нет углов. Все заняты. А в том, где он мог бы поразмышлять о разных вещах, стоит один из первых в стране телевизор.

Праздничные выстрелы

В той части города, в которой жил Клюев, по праздникам раздавались какие-то выстрелы. Эти выстрелы были очень красивые, разноцветные. Не успев утонуть в темной воде реки, они с треском осыпались на крыши и тротуары.

Прильнув к окну на пятом этаже, он считал эти выстрелы. Получалось десять или пятнадцать; потом цифры и числа путались. Путаница возникала, наверное, из-за того, что не была просто путаницей, а потому что место, откуда стреляли, находилось где-то за рекой, и звуки выстрелов доходили до Клюева неспешным шагом. Тонко звенело стекло, и кто-то кричал внизу: «Уряяааа!!»

«Уряяаааа!» – с воодушевлением кричал он. И опять сбивался со счета.

Стрельба продолжалась, как и крики внизу, и он на пятом этаже чувствовал не свою причастность к происходящему, а желание его наблюдать. Он не помнил, кто из проживавших в квартире ему сказал, что он родился в праздничный день, и это в его честь бабахают за рекой невидимые солдаты. Вот только стоит это бабаханье, как десять тысяч башмаков, ни один из которых не промокает даже в самый сильный дождь. Поэтому можно сказать, что за рекой эти солдаты бабахают разноцветными башмаками.

Это была удивительная экономика, о которой он что-то слышал в протяженной квартире, но мало что в ней понимал. Поэтому она никак не укладывалась ни в мыслях его, ни в размышлениях. Он знал, что в этот праздничный день вся квартира с радостью в душе будет есть золотистые шпроты и запивать их светлой коммунальной водкой. Жвакин, сосед, наварит картошки, а Завсегдашин, другой сосед, наварит капусты. Вареная картошка будет не так пахнуть, как вареная капуста, не говоря уж про курицу, которую к началу праздничных выстрелов в зеленой кастрюле сварит тетя Маша, худая и длинная, как ручка половой щетки, но очень разговорчивая. Празднование таким образом продолжится, потому что идет стрельба за рекой, и к соседке, рыжей вагоновожатой, придет в гости трамвайный пассажир в шляпе и в пальто с каракулевым воротником. Они включат электрический патефон, и кто-то мягким голосом запоеет про девчонку – есть, мол, такая одна, а не две. И всю ночь за дверью вагоновожатой будут шаркать ногами, целоваться и о чем-то шептать.

А мама пока еще дома, потому что, по ее словам, всюду была еще до праздников. Она включит радио, и перед началом стрельбы за рекой по радио зазвучат знаменитые позывные. Знаменитые именно тем, что являются как бы началом известной оперы. В этой опере принимает участие очень большая группа людей, похожих на артистов с птичьими головами. Они все поют об одной широкой, как театральная сцена, стране. В этой стране каждому разрешено позволять себе любую вольность, какая только в голову ни придет, а после уйдет. И к ночи этой самой вольностью наполнится вся квартира, и тогда сорвется со стены железный двухколесный велосипед и куда-то уедет по досчатому полу, а Клюев, вдохновленный радостью происходящего, выбежит в коридор и станет что-то кричать, не совсем понимая, о чем он кричит, хотя это будут слова и звуки тоже оперы, но пока неизвестной.

Маму это порадует и даже вдохновит, но вдохновение ее не окажется продолжительным. За свою жизнь она наслушалась много всякого пения и криков, поэтому то, чем по праздникам увлекается Клюев, не вызовет в ней прилива необозримого счастья. Она его ищет, и он ей в этом старается помочь по праздникам и в будние дни, и ему нравится, что она уже одета в платье с белым кружевным воротником и, наверное, куда-то собралась.

Услышав, что он кричит с таким увлечением, она, кивнув в сторону радио, говорит:

– Этим и без тебя есть кому заниматься. Живем мы в обстановке коммунальной оперы; мы долго будем в ней жить... Ты это поймешь, когда станешь еще талантливей, чем сейчас.

Тут за рекой опять солдаты, должно быть, бабахнули разноцветными башмаками, и не было никакой возможности просто лежать в кровати за шкафом и ни о чем удивительном не думать.

А праздники продолжались. Они продолжались в своем шумном наличии, и мама сначала не хотела никуда уходить, а потом захотела. Она потом ушла и где-то была часть ночи, если не всю. Клюев подозревал, что она была у рыжей соседки. Они с мамой подруги. Они обе очень разные, но не такие непохожие, как он в матросской бескозырке и его деревянный конь с оторванным правым ухом. Вообще никакого сходства. Просто такое праздничное дело, далекое от будничной реальности. По праздникам большие гусеничные машины выезжают на парад; куда-то едут крупные транспаранты на велосипедных колесах. Летят самолеты, гудят поезда; дети, взрослые, флаги, лица, голоса и воздушные шары. Вечереет, и к соседке с коричневым тортом и бутылкой красного вина сладкого, как сахарный петух на палке, приезжает из города внизу трамвайный пассажир. Клюев не знает, кто он такой. Он знает, что нос у него слишком толстый, а глаза слишком маленькие и не такие живые, какие хотелось бы видеть. Он про себя называет его «воротник» и представляет, как шляпу срывает ветер с головы и уносит за реку, а назад не приносит.

...Пропала шляпа за рекой, и выстрелов больше не было. Огни еще бесшумно оставались, но затем и они осыпались на крыши и тротуары. Невидимые солдаты ушли в свои казармы. Он лежал у себя за шкафом. Если это происходило не в августе, а в ноябре, то, несмотря на задернутые шторы и появившуюся луну, ночь была длинной, будто трамвайная колея, и приходилось долго лежать, чтобы дождаться утра. Временами он спал, как умел только он, и снились ему эти праздничные выстрелы. Он их ждал, и были они такие же красивые, как мамина губная помада, но не такие разноцветные.

Утром он просыпался и ел винегрет. Его из мелко нарезанных вареных овощей приготовила мама. По праздникам он запивал его кофе «Арабика» с добавленным в него молоком и думал о том, что где-то живут совсем другие люди, а где-то не живут. Они тоже все очень разные, как он и все соседи, и не такие одинаковые, как сладкие петухи на палках. Нет у этих людей таких кастрюль, таких зимних шапок, таких городских ворон и таких больших фиолетовых штанов в кухне на веревке, но есть у них слоны и полосатые зебры, и растет на деревьях вкусный кофе без молока. Потом они шли с мамой гулять, и на улицах было много народа в лучших пальто, ботинках, туфлях, перчатках и шляпах. Это были городские дяди и тети, и каждый из них мог бы внезапно остановиться и крикнуть на всю улицу «Уряяааа!!», но отчего-то никто не останавливался и ничего не кричал. Флаги на домах шевелил ветер, а голоса людей не шевелил.

На другой день начинались будни, и жильцы в квартире эти будни не очень любили, понимая, насколько далеко теперь до следующих выходных дней. Мама уходила на работу, не похожую на продолжение оперы, но похожую на продолжение работы. Он начинал забывать об этих праздничных выстрелах, сравнимых по экономике с башмаками в количестве десять тысяч. Не забывал он лишь то, что живет в такой стране, где по праздникам стреляют разноцветными огнями, не умеющими тонуть в реке, но умеющими осыпаться. И, должно быть, с годами огни эти казались все разноцветней и все ярче освещали потаенные уголки его детских снов. В них было что-то необыкновенное, как подлунный мир за задернутыми шторами...

Соседка

В квартире, в том ее конце, который был по коридору налево, в комнате с розовым абжуром, удобным широким диваном и электрической радиолой, никто не проживал. Совсем никто. Кроме молодой женщины в красном габардиновом пальто. Работала она на трамвае. Клюев для себя выяснил, что всякий человек, который работает на трамвае, называется «вагоновожатый». Он очень гордился тем, что в квартире живет не просто соседка, а еще и вагоновожатая.

Она иногда заходила к ним. Стоя на пороге в своем ярком, как летний закат, пальто, она интересовалась:

– Как вы тут поживаете? Как мальчик твой? А? Поет? Сочиняет? Романа ни с кем не завел? А?

Мама что-то делала в шкафу: белье сортировала. Она вытаскивала голову из темноты шкафа и улыбалась соседке. Ей нравилось, что она так говорит. Мама знала, что мальчик ее когда-нибудь вырастет из своей матросской бескозырки. И деревянный конь его с оторванным правым ускачет это ухо искать, и он пожелает ему счастливого пути и положительного результата. Жаль, что больше не встретятся нигде, кроме воображения.

Знаниями почти обо всем он овладеет в том объеме, который сам для себя выяснит. Немного испортит глаза на этом сложном пути, однако снижение остроты зрения не помешает тому, чтобы однажды захватил его настоящий роман с какой-нибудь девушкой с такой же фигурой, как у ее подруги, соседки по коридору налево. Они будут жить в своей квартире с отдельным кафельным туалетом, со шкафом-купе и большой светлой кухней с окнами в городской парк, и с неба над парком, как в его детстве, будут падать августовские звезды. Он устроится работать на какую-нибудь приличную должность и выпишет на свой адрес несколько приличных бумажных изданий, чтобы быть всегда в курсе. В этих изданиях будет написано о чем-нибудь самом интересном и наиболее важном. И кое-что о том, о чем пели по радио настоящие оперные певцы. Но это все впереди. А пока... Пока пусть скачет на своем деревянном коне и промачивает ботинки на улице. У него такой возраст. Возраст наездника по прериям коммунальной жизни.

А соседка тем временем снимала красное пальто, вешала его на деревянную вешалку и оставалась в платье. Платье у нее было синее как море, которое накануне приснилось Ключеву, а воротник платья белый как снег, с легкими закругленными кружевами. Еще у соседки был тонкий нос и рыжие длинные волосы, почти до порога... Эти волосы светились в комнате. Он смотрел на нее с немым восторгом и тихим ужасом и думал, что теперь их старая люстра горит зря. Пусть горят одни рыжие волосы!

А мама с соседкой скрывались в кухне. Они находились там долго, почти целую вечность. И что-то там обсуждали почти целую вечность. Они сидели на двух больших табуретках, укрывшись от внешнего мира за огромными фиолетовыми штанами, висевшими на веревке и принадлежавшими, казалось, сразу большой группе жильцов. Штаны пахли влагой мира и хозяйственным мылом.

Тихий ужас проходил, уступив место тайному восторгу. Оставшись один, он сидел на своего деревянного коня с облезлой спиной и оторванным правым ухом и долго скакал вокруг стола по каким-то равнинам. Там не было ни гудков, ни машин, и небо было голубое, бескрайнее, как оперный марш, который пел Ключев...

Еще в его воображении рисовался трамвай. С яркими окнами. Тот самый, который вела соседка по ночному городу. Наверное, ему очень хотелось проехаться в этом трамвае. Он был бы тогда единственным пассажиром. Он бы сидел тогда на скамейке у самого окна и прижимался носом к холодному стеклу. Ведь когда прижмешься носом к холодному стеклу, лучше всего глядеть на огни проносющихся мимо улиц и на светящиеся вывески магазинов. А соседка, рыжая и фантастическая, вела бы этот трамвай. Быстро, со звоном, минуя все ночные остановки. И было бы такое впечатление, будто по городу несется огромная копилка с мелочью. Громадная рыночная свинья или глиняный кот. И был бы тогда у Ключева невообразимый роман. С трамваем, ночным городом и этой соседкой. Вагоновожатой в красном габардиновом пальто.

Как долго бы длился этот роман? Ключев полагал, что он продлится всю осень, зиму и еще захватит весну. Весна, говорила мама, – самое время романы крутить. Скворцы и почки любви помогают.

Но до весны было еще не так близко: вся осень и вся зима. Думая об этих продолжительных временах года, он спал беспокойно и много ворочался во сне. Или совсем не спал. И

не ворочался. Он лежал у себя за шкафом, в привычной темноте и прислушивался к каким-то шагам, которые, казалось ему, раздавались на лестнице. Это были разные шаги. Они принадлежали ногам разных людей. То шли вверх взрослые мужчины, объединенные их местом в жизни и каким-то еще признаком. Среди них были: художники, водолазы, фокусники, композиторы, ткачи, дрессировщики, революционеры, стекольщики, бюрократы, поэты, милиционеры, кинематографисты. Первых было больше, чем всех остальных, но также много было вторых и последних. И все они шагали по лестнице на пятый этаж. И все они были одеты в свои пальто и шапки, военные шинели и фуражки, как для торжественного случая. И все они, казалось Клюеву, вскоре войдут в темноту коридора и на какое-то время поселятся у рыжей соседки. Он даже слышал их голоса, хотя они старательно говорили шепотом и чем-то звенели, а после долго скрипели невидимыми пружинами соседкиного дивана.

Откуда они появлялись?

Он мог только догадываться. И чтобы в чем-то еще раз убедиться, ночью вставал и подходил к окну. Раздвинув обе занавески, он видел под фонарем блестящую от дождя крышу трамвая. Он знал, что у их дома трамвай останавливаться не мог: рельсы были проложены в стороне...

Аплодисменты

Он уже много чего знал, однако никак не мог научиться хлопать в ладоши. Поэтому мама повела его однажды на собрание в клуб.

У входа в этот популярный клуб, похожий на кинотеатр с большими круглыми фонарями перед входом и толстыми колоннами, мама сказала:

– Смотри, как это будут делать другие. Смотри и учись.

Выступал в этом клубе всего один дядя. Сначала, правда, не он один. Сначала объявили концерт с участием дрессированных собак и оперного певца с белой накрахмаленной грудью, а потом всех их, в том числе и гибкую женщину-змею, заменили на дядю. Сказали: «Он главное всех дрессированных в мире собак!». И Клюев поверил. К тому же все называли этого дядю тихо, но уважительно – Андреем Петровичем.

Не менее уважительно пришедшие в клуб люди отзывались о нем и в освещенном фойе. Там торговали подкрашенной газированной водой, пирожными с сладким коричневым кремом, и над всем этим съестным великолепием висела невероятная хрустальная люстра с ввинченными двумя сотнями лапочек в казенный хрусталь. И всё гудело вокруг, двигалось, и все друг другу говорили, что Андрей Петрович – это вам не кто-нибудь из заброшенного захолустья, а столичная ораторская звезда, большой друг прохожих и знает много настоящих слов: яблоко, волчок, лошадь, борец, карусель, свисток, свадьба, телескоп и кинематограф.

Клюев тоже знаком был с этими словами. Их почти каждый день, а то и несколько раз на дню повторяли жильцы в той бесконечной по величине квартире, где находилась их с мамой комната. Бывало и так, что жильцы произносили и другие слова, а также целые группы слов и составленные из них фразы: «Эй, тетя Дуся! Куда ты таз-то поперла?» Или: «Мужики, рёбя, мать ваша заводная ручка, айда «Байкала» покурим!» Или: «Петр Палыч! Мы вас, конечно, уважаем, но сковородку-то вашу кто будет за вас мыть?».

Поэтому Клюев сразу понял, что хлопать в ладоши – это значит приветствовать не только словоохотливых жильцов, но еще и Андрея Петровича. Логика, конечно, никакой, но зато очень правильно. Сидишь на откидном стуле в таинственной темноте зала и громко думаешь: «Да здравствует дядя!» То есть, значит, приветствуешь.

А Андрей Петрович стоит на сцене в круге яркого света и хорошо говорит, но не очень понятно. А сцена такая огромная, а Андрей Петрович такой высокий, солидный, упрямый и такой на нем черный праздничный пиджак, что просто не может хуже и понятней сказать. И

зал его слушает и забывает, что нужно дышать. И Клюев забывает. Он вспоминает только тогда, когда все вокруг начинают хлопать. Он тоже пытается хлопать, но у него ничего не выходит.

...Мама расстроилась и после собрания, пока они поднимались по лестнице к себе на пятый этаж, говорила:

– Ну, почему ты у меня не такой, как все. Впрочем, ты еще маленький. Иди-ка лучше спать за шкаф. Во сне все болезни проходят.

Он не очень долго болел одним из видов простудных заболеваний, после выздоровел и в газете он увидел фотографию Андрея Петровича. На фотографии тот был такой же, как на сцене: высокий, солидный, не такой упрямый, хотя и в пиджаке. Подпись под фотографией была честной. Что-то там было про «Долгие и продолжительные аплодисменты». Так прочитала мама.

Ему понравились эти слова. Он долго ходил с газетой по коридору, всем улыбался, а потом, радостный и довольный, сидел в комнате и смотрел в окно на длинный дождь, начавшийся то ли в конце августа, то ли в начале сентября.

Дождь еще идти не перестал, когда он взял мамины большие ножницы, вырезал ими из газеты фотографию Андрея Петровича и раскрасил ее всеми имевшимися в комнате красками. Раскрашенный Андрей Петрович стал еще солидней и притягательней. Соседи, которые видели это, предлагали куда-нибудь его послать, но Клюев почему-то так и не узнал, куда... Вместо этого, когда оставался дома один, он клал фотографию на стол, а сам бегал вокруг стола и учился хлопать в ладоши. Еще он включал радио, чтобы создать музыкальное сопровождение своим урокам. По радио передавали сначала что-то про войну, а после стали передавать первоклассную оперу с участием большой группы людей, но без участия пушек и танков.

Оперу уже всю передали, но шторы на окне еще не было задернутыми, когда Андрей Петрович пришел к маме в гости. Его привела их рыжая соседка, которая водила по городу трамваи. Эта молодая женщина в красном габардиновом пальто очень нравилась Клеву. Он еще не понимал, почему она ему нравится, но, по словам мамы, «похоже, что-то подозревал». Наверное, значительную роль играли в его подозрениях ее рыжие волосы и вся остальная природная красота, включая пальто и проживание в дальней комнате – по коридору налево.

Она вошла и сказала:

– Завтра, Анна Николаевна, приведу к тебе приятного гражданина. Зовут его Андрей Петрович. Ты знаешь, кто он такой?

Мама, изменившись в лице, села на стул:

– Тот самый? – спросила она тихо.

– Ну, уж не тот самый, – сказала соседка. – Те на трамваях не ездят. Так и пойдет он тебе в коммуналку. Жди больше! Тот-то оратор, огромной известности человек. А этот просто похож.

– Ну, приводи, – сказала мама, и Клеву показалось, что она немножко разочарована.

На другой день Андрей Петрович действительно пришел – высокий, солидный, упрямый и в пиджаке. Сначала он долго мялся в дверях, не зная, что ему делать с толстым батонком любительской колбасы и куда девать свою шляпу. Клюев встретил его долгими и продолжительными аплодисментами. Он так долго и громко хлопал в ладоши, что маме это, наверное, надоело, и она предложила ему отправиться хлопать в коридор.

– Иди-ка соседей порадууй, – сказала мама, – а мы тут с дядей пока кое-какие моменты по жизни обсудим. Ты ведь теперь у меня, как все, но все равно мой единственный. Иди, я тебе поцелую!

Мама его поцеловала, и он, схватив со стола фотографию, выбежал в дверь. И жизнь потом не раз награждала его аплодисментами.

Радио

Радио висело в комнате, на двух шурупах, крепко ввернутых в стену. Собственно говоря, это было не совсем радио. Это был, по словам мамы, репродуктор городской радиотрансляционной сети. Изнутри он был всегда настроен на музыку и человеческие голоса, а снаружи его украшала белая пластмассовая чайка.

Клюев любил слушать это радио. Последние известия или какую-нибудь героическую оперу. Известия иногда попадались хорошие, оперы – еще лучше. Сидя на стуле или лежа у себя за шкафом, он с восхищением слушал, слегка приоткрыв рот.

Читать он еще не умел. Книги казались ему большой человеческой тайной, сделанной из бумаги. Телевизора у них с мамой тогда тоже не было. Но зато были соседи. Или жильцы. Все они жили в длинной квартире на пятом этаже большого каменного дома.

Клюев с мамой занимали одну комнату в этом своеобразном мире жильцов. Кроме радио, висевшего на стене, в их комнате были трехстворчатый шкаф с зеркалом, стеклянная люстра с висюльками, две кровати, стол и стулья. Шкаф стоял таким образом, что за ним мог спокойно спать Клюев. Он там и спал, потому что за шкафом ему никто не мешал слушать радио и видеть сны.

Длинная квартира круглые сутки жила своей жизнью, интенсивность которой по вечерам достигала высот. Вокруг становилось раз в десять многолюдней, чем днем. За стеной кто-то пел, где-то передавали футбол, кто-то кашлял, а кто-то вел себя тихо, потому что его не было дома. А в кухне стояла неподвижно на подоконнике бутылка с подсолнечным маслом, и трое неразлучных друзей-шоферов разглядывали в табачном дыму заграничный глянцевоый журнал с ослепительной брюнеткой на такой-то странице...

Об этой сложной, многомерной жизни ничего не говорили по радио. Иногда намекали, но Клюев этого еще не понимал. Зато если кто-либо из соседей шумно мылся в громадной пожелтевшей ванной, то мама об этом говорила: «Чистоплотные люди живут! Все как один певцы!» Тогда он бежал к двери ванной и кричал: «Петр Палыч! Вы слышали, что о вас моя мама сказала?»

Человек за дверью не слышал. Он пел и не слышал. Он не был профессиональным певцом. Он не был профессиональным летчиком, хирургом, милиционером, почтальоном, инженером, физиком, химиком, фотографом, животноводом, а также машинистом. Он не водил тяжелые составы через всю страну во Владивосток. Он свою известность получил, потому что работал в машбюро оператором пишущей машины.

Клюев не знал, почему у него такая профессия. А сосед знал. Это был полный, низкого роста мужчина с круглым, как обеденная тарелка, лицом. Его фамилия была Бочкин. Такие люди о себе, как правило, что-то знают. Он утверждал, что занимается своей работой не потому, что делать ему больше нечего, а в честь своей единственной тети Наташи по отцовской линии. Он говорил, что его тетя Наташа когда-то работала в издательстве на углу. Потом была война, и во время войны в издательство попала фугасная бомба весом килограммов 800 взрывчатки. А потом, уже после войны, здание восстановили и открыли в нем кинотеатр. А раньше, по его словам, там издавали много интересных книг. Эти книги сочиняли писатели. Они приносили рукописи в издательство и отдавали их тете Наташе. Она по десятью пальцами перепечатывала рукописи на машинке. Один раз она перепечатала на машинке невероятный по величине роман, который назывался «Декамерон». Его принес один переодетый в монаха писатель, которого звали Джованни Боккаччо, хотя на самом деле это был псевдоним. На самом деле фамилия писателя была такая же, как у соседа: Бочкин. На этом заканчивалось сходство соседа с переодетым монахом. Тем более что не монах, а сосед хотя и носил металлическую расческу в нагрудном кармане пиджака, однако никогда не пил кружечное пиво под парусиновым тентом ближайшего открытого кафе. Звали соседа Петр Палыч. Писал он не на итальянском языке и не каждый день.

Клюев вскоре после восьми часов вечера приходил в комнату к Бочкину. Вежливо приоткрыв дверь, он сначала входил, затем стоял, затем спрашивал:

– А почему, Петр Палыч, вы сегодня не пишете?

– А мне, юный хозяин страны, Боккаччо не советует, – отвечал тот. – Ты, Петр Палыч, говорит, сегодня на работе слишком замордовался. Так что ты сначала ванну прими, а после садись за свой роман. А ось, два слова за вечер напишешь. Или в Италию съездишь. Ты, юный, когда-нибудь ездил в Италию?

– Нет, я только к бабушке ездил.

– Эх! А в Италии как хорошо! Как там восхитительно! Там много фонтанов, тонких макарон, католических монахов, киноактрис, полицейских, статуй, картин, мотоциклистов, вина и все там поют. Вот так: «Кто мо-о-о-жет с маманей сравниться с твоей!»

Тут мама появлялась в дверном проеме и говорила строго:

– А ну, мальчик, быстро спать!

Затем Петру Палычу:

– А вы, Петр Палыч, не провоцируйте юное создание счастливой заграницей. Вы бы сами сперва туда съездили, а потом утверждали.

– А что? – Петр Палыч радовался, потирая руки и на глазах молодея. – Идея ясная. Скажите мне только одно, дорогая моя и красивая Анна Николаевна: денег где взять на поездку? Как мне на работе отпроситься? Не член же я партии, закоренелый не член!

– А вы накопите.

– И то верно! Надо, очень надо! Завтра же куплю на рынке цветную глиняную свинью с прорезью на спине и буду в нее каждый вечер серебро кидать достоинством в двадцать копеек. Всё, какое останется у меня от всех моих текущих расходов!... Эй, куда же вы, маманя с сыном?

Это был праздный вопрос, недостойный и тени Боккаччо. Мама не верила ни одному слову соседа. Она была беспартийной и по себе знала, что такое замордоваться на работе. А про соседа она говорила, что он самый настоящий придумщик фантастического. «Сковородку за собой не моет, денег у него нет и жениться ни на ком не хочет. Именно что Бочкин, а не Боккаччо. Поэтому ты включай погромче радио, когда Петр Палыч моется в ванной, а по радио оперу передают. Пусть слушает, какие артисты по трансляции арии распевают. Может, ума наберется».

Никто не знает, набрался ли Петр Палыч ума или нет. Но факт, что Клюев в детстве любил слушать радио.

Командарм

Про военных по радио тоже хотелось послушать. Так хотелось, что события за шкафом могли показаться слишком настоящими, а конь с оторванным ухом не совсем деревянным. Они ведь не только военные, а еще и действующие лица бывших детских сновидений и минувшей действительности.

А так как в их званиях он путался, то по неизвестной причине затесалось в голову старинное «фельдмаршал». Он потом неделю не мог сказать «старшина» или «майор». Все военные были у него не ниже «фельдмаршала». По званию.

А по радио – никакой путаницы! Там – настоящие командармы. Все, как один. И если крикнет один другому:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.